Шевякина С.В. Лингвостилистические параметры интернет-дискурса психологии ЗОЖ // Гуманитарный научный вестник. – 2020. – №3. – С. 191-196.

Шорманбаева Д.Г. Межэтнические отношения: методология изучения межэтнического взаимодействия / Д.Г. Шорманбаева, Р.М. Шарипова, А.В. Сиводедова, О.А. Шебалина, Е.Н. Ивлева // Вестник КарГУ им. Е. Букетова. Серия «История. Философия». – 2024. – № 29, 2 (114). – С. 329-340.

Шухов И.П. Горькая линия. – Москва: Вече, 2010. – 457 с.

Щеголихин И. Холодный ключ забвенья Повести / И. Щеголихин. – Астана: Аударма, 2002. – 527, [1] с. ил.; 21.

TYPICAL MODELS OF INTERETHNIC COMMUNICATION AND THEIR LINGUISTIC REPRESENTATIONS

Suyunova Gulnara Seylbekovna,
Doctor of philological sciences, Professor of High School of Humanities of Pavlodar Pedagogical University named after Alkey Margulan, Pavlodar, Kazakhstan

Abstract. The article examines one of the manifestations of the communicative aspect of interethnic communication, namely, typical models of similar communication. It is emphasized the stereotypical basis of similar models and revealed their linguistic form. The situations of their functioning are also considered.

Key words: standard model, interethnic, linguistic form, stereotype.

НАРУШЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ НОРМЫ В КИНОПЕРЕВОДЕ

Филиппова Ирина Николаевна,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры переводоведения и когнитивной лингвистики Государственного университета просвещения, г. Москва, Россия

Аннотация. Подвергнуты анализу ошибки русскоязычного перевода фильмов и сериалов. Показано, что отклонения от нормы русского языка на уровне фонологии, семантики, синтаксиса и стилистики имеют негативные последствия для лингвоэкологии родного языка и дискурсивной практики. Отмечены эксплицитные ошибки, провоцирующие дискоммуникацию, и неявные, имеющие отдаленные последствия для русскоязычных зрителей.

Ключевые слова: языковая норма, лингвоэкология, дискоммуникация, интерференция, киноперевод.

Кино – в силу своей многогранности и многофункциональности – составляет объект исследования многих наук, в том числе различных областей языкознания. Анализ кино как полимодальной (или мультимодальной) коммуникации попал в сферу интересов лингвосемиотики. Объектом переводоведения фильмы стали в связи с межъязыковыми и межкультурными контактами, где кино играет не последнюю роль. Но с точки зрения лингвоэкологии киноперевод ранее не был исследован. Попробуем заполнить

эту лакуну. Проследим, как погрешности киноперевода в отношении языковой нормы влияют на дискурсивную практику реципиентов. За фактический материал примем широко известные иноязычные кинопроизведения разных лет, переданные на русский язык: сериал «Miss Marple» 1984-1992 гг., «The da Vinci Code» 2006 г., «Inferno» 2016 г. Общий объем эмпирической базы превышает 11,5ч экранного времени. Из этого массива отобрано более 200 фактов нарушения нормы русского языка. Интонационные ошибки верифицированы программой анализа звучащей речи PRAAT, семантические, грамматические и стилистические – лексикографическими источниками.

В отношении фонетической нормы ошибки наиболее эксплицитны [Чайковский, 2011, с. 85]. Они затрагивают просодию, отступают от мелодики русского языка. В этом отношении особенно активна неадекватная парцелляция, деформирующая синтагматическое членение высказывания. Неверный интонационный контур реализуется как понижение основного тона с каденцией, маркируя границу внутри словосочетания. Синтагматика приобретает искаженные черты, и в конечном счете это приводит к тому, что восприятие вербальной части кинотекста осложняется. Особенно эксплицитна неуместная интонационная граница в антропонимах. Так пауза дробит антропонимы *Клотильда Брэдбэри. Скотт* [Мисс Марпл, 2025]. Из предыдущего контекста зритель знает, что речь идет о фамилии Брэдбэри-Скотт. Имя собственное, неверно озвученное его обладательницей, вызывает дискоммуникацию. Ангалогично и в следующем примере: *Мои сестры были опекуншами Вэрити. Хант* [Мисс Марпл, 2025]. Очевидно, это следствие интерференции иноязычного ономастикона [Алимов, 2004, с. 4, 6, 19-23], создающего трудности для актеров озвучивания (дубляжа или закадрового перевода) и следствие экстралингвистических факторов (лимита времени на выпуск русскоязычной версии оригинала).

Однако и в отсутствие национально маркированной лексики ошибки синтагматического членения нередки в анализируемой выборке. Так, неверная интонационная граница (повышение основного тона без каденции) разрывает логическую связь между компонентами словосочетания: *Билеты на самолет →* | *для архидьякона уже в пути* [Мисс Марпл, 2025]. Верной для отражения смысла была бы мелодика с паузой после словосочетания: *Билеты на самолет для архидьякона →* | *уже в пути.* Аналогично и в другом примере: *За 300 лет до того* | *молодой еврей* | *по имени Иисус* | *проповедовал* ***любовь и веру в единого бога*** [Код да Винчи, 2025]. Отметим, что в данном случае деформируется еще и синтаксическая норма русского языка. При синтагматическом членении, заданном в кинопереводе, однородные дополнения должны иметь идентичное управление, однако это не так (*вера в + Вин.п.*, а *любовь к + Дат. п.*), следовательно, подчиненный сегмент *в единого бога* не может быть соотнесен с существительным *любовь*. Тогда адекватной норме была бы интонационная структура, разделяющая дополнения: *За 300 лет до того* | *молодой еврей* |*по имени Иисус* | *проповедовал* ***любовь*** | ***и веру в единого бога***.

Экстралингвистические факторы («запрет» на перезапись звуковой дорожки и узкие временные рамки монтажа аудиоконтента) обусловливают

появление ненормативного фразового ударения в кинопереводе. *Это все* ***Майкл*** [Код да Винчи, 2025]. В этом примере ошибка комплексная: локализация главного ударения (на ониме) и отсутствие паузы (долженствующей отделять обращение) приводят к тому, что фраза эксплицирует смысл ‘он во всем виноват’. Однако ситуативный и вербальный контексты однозначно указывают на иную интенцию епископа – прекращение диалога (‘больше не о чем говорить’). Верным было бы размещение фразового акцента на местоимении: *Это* ***все,*** *Майкл.* Подобных примеров девиантной просодии достаточно много в исследованном материале (см. табл. 1)

Таблица 1 – Ошибки локализации фразового ударения

девиантное интонационное оформление	реализованная пропозиция	адекватное норме интонирование	истинная пропозиция
Я **убила** Майкла Гормана [Мисс Марпл, 2025].	альтернатива действий	**Я** убила Майкла Гормана.	альтернатива субъектов
Моя **Нора** дружила с ней [Мисс Марпл, 2025].	альтернатива субъектов	Моя Нора **дружила** с ней.	альтернатива действий
То ли они шантажировали **Ватикан**, то ли церковь **купила** их молчание [Код да Винчи, 2025].	альтернатива субъектов действия	То ли они **шантажировали** Ватикан, то ли церковь **купила** их молчание.	альтернатива действий
Он стоял надо **мной** и не давал мне уйти [Код да Винчи, 2025].	альтернатива объектов действия	Он **стоял** надо мной и не давал мне уйти.	альтернатива действий
Я **нашел** это в своем пиджаке [Инферно, 2025].	альтернатива действий	Я нашел **это** в своем пиджаке.	альтернатива объектов действия

Менее частотны, но не менее существенны ошибки в отношении коммуникативной цели высказывания. Вопрос превращается в повествовательное высказывание *Вы могли бы передать ему сообщение* [Мисс Марпл, 2025]. Для экспликации вопроса требуется восходящий тон, а в русскоязычном аудиосопровождении реализован нисходящий, который разрывает связь с видеоконтентом. Побуждение *Помните, мисс Марпл!* деформируется в вопрос *Помните, мисс Марпл?* [Мисс Марпл, 2025] Визуальная часть кинотекста при этом раскрывает наказ говорящей, адресованный главной героине, тогда интонационный контур должен быть нисходящим.

В отношении лексической нормы ошибки многочисленны и разнообразны. Все они размывают семантику лексических единиц, интерферирующе воздействуют на речевую практику зрителей и – в конечном счете и в долгосрочной перспективе, накапливаясь в пассивной памяти реципиентов – способны исказить языковую картину мира. Отвечая на вопрос об ограничениях в жизни братьев «Опус Дэи» (соблюдение целомудрия и др.), глава ордена произносит: «*Многие из наших последователей состоят в браке. Многие* ***имеют семьи***» [Код да Винчи, 2025]. В заданной вербализации речь епископа содержит плеоназм, т.к. использует синонимы *брак* [Ожегов, 1990, с. 62] и *семья*

[Ожегов, 1990, с. 710; Картаслов.ру, 2025]. Адекватно русскоязычной речевой стереотипии в данном случае было бы высказывание *У многих есть дети*. Нет оснований полагать в данной ошибке пропаганду бездетности, но свой вклад в девиацию семантики [Кошкин, 2006, с. 6, 19] и деформацию языковой картины она вносит.

Первый мистер Симмингтон был отцом нашего мистера Симмингтона. Он уже ***мертв*** [Мисс Марпл, 2025]. Дискурсивная практика требует в заданной коммуникативной ситуации использовать глагол: *Он уже умер*. Фраза *Он мертв* может быть произнесена в момент обнаружения тела (или человека без признаков жизни). *Я повредила* ***коленную кость*** [Мисс Марпл, 2025]. Такое заявление способно повергнуть в состояние шока носителя русского языка. Диссонанс с физиологией человека (колено – это сустав) не позволяет создать словосочетание, представленное в кинопереводе.

Аналогично и ошибка в пользовании паронимами провоцирует дискоммуникацию [Волкова, 2023, с. 142]: *высокий* ***мускулистый*** *тонус* [Мисс Марпл, 2025]. В русском языке «Мускулистый – с развитыми мускулами» [Ожегов с. 368]. Для адекватной передачи оригинала надо выбрать иные средства: *мускульный тонус, тело мускулистое, развитая мускулатура* и пр. Подобная ошибка в обращении с паронимами представлена многократно: *Марина воплощает эту ранимость, эту* ***чувственность*** [Мисс Марпл, 2025]. В данном примере чувственность (‘сладострастие’ [Ожегов, 1990, с. 885], ‘эротизм’ [Ожегов, 1990, с. 909]) следует заменить на *чувствительность*.

Если кто-то ***присвоил себе*** *эти деньги, то лучше будет пресечь подобные поступки на корню* [Мисс Марпл, 2025]. «Присвоить – 1. кого-что. Завладеть, самовольно взять в свою собственность. 2. что кому-чему. Дать (какое-н. звание), наименовать каким-н. образом» [Ожегов, 1990, с. 596]. В соответствии с нормой русского языка следует устранить возвратное местоимение: *кто-то присвоил эти деньги*.

Весьма неудачно выбраны лексические средства для характеристики дважды вдовы: *Очень необычная* ***девушка****!* [Мисс Марпл, 2025] «Девушка. – 1. Лицо женского пола в возрасте, переходном от отрочества к юности. 2. Такое лицо, достигшее половой зрелости, но еще не вступившее в брак» [Ожегов, 1990, с. 159]. Диссонанс вербализации с визуальной составляющей кинотекста в данном случае заметен еще и потому, что по прошествии трех минут экранного времени это же действующее лицо описано иначе: *Очень необычная* ***женщина***! [Мисс Марпл, 2025] Избежать этого конфликта номинации можно было бы, использовав такие единицы как *особа, персона, дама* и пр.

Противоречие дискурсивной практике русского языка представлено в мини-диалоге: «*Моя тетя хотела бы познакомиться с Вами. – И я тоже*» [Мисс Марпл, 2025]. Неполное предложение построено на основе эллиптизации избыточных сегментов, представленных в предшествующей фразе, но элементарная редукция синтаксических единиц в данном случае приводит к ошибке. Ведь не хочет же мисс Марпл познакомиться с самой собой, она надеется на встречу с тетей своей собеседницы. Такое содержание может быть сформулировано только с указанием объекта знакомства: *Я с ней – тоже*.

Нарушения грамматической нормы достаточно частотны в отношении средств передачи косвенной речи. Такая погрешность допущена в пересказе чужой речи участникам новой коммуникативной ситуации: *Он пришел туда сам и во всем сознался. Насчет прошлого вечера. Вошел в участок, бросил на стол пистолет и сказал,* ***что это сделал я*** [Мисс Марпл, 2025]. Если речь косвенная, то подлежащим не должен быть говорящий субъект, выраженный формой личного местоимения первого лица: *он вошел … и сказал, что это сделал он*. Можно передать речь как прямую, интонационно ее оформив должным образом: *Он вошел … и сказал: «Это сделал я»*. Аналогичная путаница представлена и в следующем примере: *Они смогут сказать, что для своего возраста* ***она*** *неплохо выглядит* [Мисс Марпл, 2025]. Но из видеоконтента фильма зрители понимают, что героиня говорит о себе самой. В таком случае трансформация косвенной речи в прямую представляется менее вероятной, а косвенная должна быть подчинена субъекту говорения: *Они смогут сказать, что для своего возраста* ***я*** *неплохо* ***выгляжу***.

Деформация синтаксической организации предложения представлена в следующем примере: *Что из себя представляет ее дом? Неприступную крепость для лиц мужского пола* [Мисс Марпл, 2025]. Ошибка смешивает два конкурирующих типа определения: распространенное определение в препозиции и причастный оборот. Нормативное оформление распространенного атрибута *неприступную для лиц мужского пола крепость* противоречит русскоязычной традиции устного общения, особенно если принять во внимание, что адекватны коммуникативной ситуации речевые средства неформального регистра. Более приемлемой экстралингвистическому контексту видится следующая формулировка: *Что из себя представляет ее дом? Крепость, неприступную для лиц мужского пола*.

Искажением нормы выступают нееединичные случаи неверного управления: ***За*** *эти деньги она могла бы купить свою свободу* [Мисс Марпл, 2025] (корректно – *на эти деньги*). *Я не стала слушать, как Персиваль* ***ругается на*** *бедняжку Дженнифер* [Мисс Марпл, 2025]. В данном случае ошибку управления «поддерживает» деформация категории залога (корректно – *ругает бедняжку Дженнифер*).

Обратим внимание на удивительный случай, где вербальная часть дублируемого кинотекста диссонирует с грамматической категорией рода. *Уезжаете в* ***Люцерну****, преподобный?* [Мисс Марпл, 2025] Очевидно, сбой произошел из-за подобия топонима *Люцерн* и фитонима *люцерна*.

Погрешности в области стилистики менее распространены в эмпирической базе, но также негативно подрывают норму русского языка. Большую часть из них воплощают различные формы плеоназма (перисссология, тавтология): … *отыскать* ***изначальную истину*** [Код да Винчи, 2025] (корректно – *отыскать истину* или *отыскать изначальный смысл*); *купила 4* ***наволочки для подушек*** [Мисс Марпл, 2025] (корректно – *наволочки*).

Нередки ошибки в отношении притяжательных местоимений. *Главным распорядителем на похоронах сера Исаака Ньютона был* ***друг, его коллега*** *Александр Поуп*. Очевидно, что местоимение, относящееся к двум однородным подлежащим, должно предшествовать первому из них: *Главным*

распорядителем на похоронах сера Исаака Ньютона был ***его друг и коллега*** *Александр Поуп* [Код да Винчи, 2025]. *Наркотик правды должен был подействовать после приезда Фортескью в* ***свой*** *офис* [Мисс Марпл, 2025]. Это решение переводческой задачи – прямое следствие интерференции английского языка. В соответствии с нормой можно образовать две альтернативные версии вербализации исходного содержания: с замещением обстоятельства придаточным предложением *после того, как Фортескью приедет в свой офис* или удалением притяжательного местоимения: *после приезда Фортескью в офис.*

Пройти обучение у самого великого магистра. Он дал ***Вам*** *геральдическую лилию, чтоб* ***Вы*** *нашли это? И наверняка пел* ***Вам*** *в детстве песенки-загадки. <…>* ***Ты*** *умеешь хранить тайны? Можешь, зная что-то, хранить молчание? А коды? Полагаю, они обнажаются перед* ***Вами****, как любовники* [Код да Винчи, 2025]. Видеоряд однозначно указывает, что говорящий обращается к одному из присутствующих коммуникантов, только к Софи Неве. Следовательно, в одном контексте он обращается к собеседнице, используя разные формулы обращения: то вежливую на *Вы*, то фамильярную на *ты*. Нужна одна форма местоимения, т.к. обращение адресовано одному лицу. Но это стилистический нонсенс, разрушающий единство предметной ситуации и единство формы вербализации. Такой подрыв дискурсивной практики весьма негативен. К сожалению, достаточно обыденным явлением стала вульгаризация речи и игнорирование стилистической нормы, тем прискорбнее поддержка этой тенденции в киноформате. Дважды в присутствии дамы высокообразованный персонаж, профессор Лэнгдон, позволяет себе именовать ее местоимением третьего лица: *Ли, все так просто.* ***Она*** *не … <…> Она не может, Ли* [Код да Винчи, 2025].

Основные выводы представленного анализа достаточно очевидны и объективны.

1. Степень эксплицитности выявленных ошибок языковой нормы варьирует от явной нелепости до скрытого диссонанса, но вне зависимости от нее любые ошибки могут быть обнаружены при внимании к русскому языку и речевой практике.

2. Основами для идентификации ошибок могут служить диссонанс с видеорядом, визуально представляющим коммуникативную ситуацию, и диссонанс с вербальным контекстом, не соответствующий иллокутивному вынуждению [Баранов,1992, с. 98] и разрушающий антиципацию.

3. Дискурсивно-риторический опыт русскоязычных зрителей терпит урон в связи с активной девиацией нормы русского языка и деструктивным интерферирующим влиянием иностранного, а дискоммуникация свидетельствует о ресурсах лингвоэкологии, актуализировать которые может при достаточном желании любой носитель языка.

Ставить точку в поднятой проблематике не будем, надеемся на продолжение исследования с точки зрения прагмалингвистики, взаимодействия дискурсологии и переводоведения, русистики и прикладной лингвистики. Предполагаем также внимание к затронутой теме со стороны лингводидактики. Подвергнутые анализу и интерпретированные факты девиации нормы русского языка могут быть интегрированы в практику обучения переводу.

Список литературы

Алимов В.В. Интерференция в переводе (на материале профессионально ориентированной коммуникации и перевода в сфере профессиональной коммуникации): Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – Москва: Военный университет, 2004. – 40 с.

Баранов А.Н. Иллокутивное вынуждение в структуре диалога / А.Н. Баранов, Г.Е. Крейдлин // Вопросы языкознания. – 1992. – № 2. – С. 84-99.

Волкова Я.А. Дискоммуникация: межкультурный, дискурсивный и лингвоэкологический аспекты / Я.А. Волкова, Н.Н. Панченко, Н.К. Пригарина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2023. – Т. 22. № 1. – С. 138-150.

Инферно (2016): видеофильм. – URL: https://yandex.ru/video/preview/5886956766887126522 (дата обращения: 20.03.2025).

Картаслов.ру – Карта слов и выражений русского языка : сайт. – URL: https://kartaslov.ru/ (дата обращения: 20.03.2025).

Код да Винчи (2006): видеофильм. – URL: https://rutube.ru/video/0ae5a6fd744bc9709e14e3e8553179c3/ (дата обращения: 20.03.2025).

Кошкин Р.К. Особенности нормативной девиации в переводном дискурсе (на материале военно-технических переводов с английского языка на русский): Автореф. дис. … канд. филол. наук. Москва: Военный университет, 2006. – 19 с.

Мисс Марпл / Все серии Мисс Марпл (1984-1992) : Мисс Марпл Агаты Кристи: сайт. – URL: https://мисс-марпл.рф/с-джоан-хиксон/ (дата обращения: 20.03.2025).

Ожегов С.И. Словарь русского языка: 70000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1990. – 917 с.

Чайковский Р.Р. Эксплицитные переводческие ошибки // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2011. – № 6. Т. 2. – С. 84-87.

DEVIATION OF THE LANGUAGE NORM IN FILM TRANSLATION

Filippova Irina Nikolaevna,

Doctor of Philology, associate professor, professor of translatology and cognitive linguistics
State University of Education, Moscow, Russia

Abstract. We analyzed errors in Russian translations of films and TV series. We also found that deviations from the Russian language norm at the level of phonology, semantics, syntax and stylistics have negative consequences for the linguistic ecology of the native language and discursive practice. We identified explicit errors that provoke discommunication, and implicit ones that have long-term consequences for Russian-speaking viewers.

Key words: language norm, linguoecology, discommunication, interference, film translation.